

В. А. Репневский

**РОССИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ
НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ: ЗАРОЖДЕНИЕ И ОПЫТ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В 90-е ГОДЫ XX ВЕКА***

С окончанием холодной войны периферийное положение североевропейских государств породило ряд проблем. В этой связи страны Скандинавского полуострова остро нуждались в стратегии, направленной на предотвращение как экономической, так и политической периферизации своих территорий. В то же время значение Скандинавского региона возросло. Он мог стать для ЕС своего рода «окном в Россию» (к богатым северо-западным российским территориям), а для Российской Федерации — «окном в Европу». Важной составляющей такой стратегии стали проекты регионального сотрудничества, которые охватывали российские регионы и формировали новые отношения между центром и периферией в Европе. Данный подход вполне соответствовал стремлению избежать экономического раскола Европы и содействовал закреплению рыночных отношений и демократических институтов в России.

Североевропейские страны были заинтересованы в том, чтобы российские территории не оставались в стороне от интенсивного интеграционного процесса и сотрудничества в Европе. Открытие российского Севера для трансграничного регионального сотрудничества создало новые возможности для решения многочисленных проблем, прежде всего в экономической и экологической сферах. Для Финляндии и Норвегии оставалось актуальным и продолжение развития связей между приграничными территориями.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ и правительства Архангельской области (проект № 12-11-29002а/С).

Российское руководство было не меньше заинтересовано в скорейшем развитии регионального сотрудничества на Севере. Поставив задачу реформирования на базе рыночных отношений, правительство надеялось на всестороннюю помощь со стороны стран Запада. Региональное сотрудничество, распространяемое через границы, представлялось одним из наиболее действенных инструментов успешного социально-экономического преобразования российских северных областей, которые достаточно остро переживали трудности переходного периода. Российским правительством неоднократно подчеркивалось, что Россия в первую очередь предлагает Западу стратегию партнерства, что Европе как можно скорее следует переходить от гуманитарной помощи и разрозненных кредитов, как бы важны они ни были для России, к целенаправленной и масштабной работе, включая поощрение инвестиций в проводимую Российской Федерацией конверсию военно-промышленного комплекса¹.

Первым шагом на пути налаживания многостороннего сотрудничества с участием России, Финляндии, Норвегии и Швеции стало создание в марте 1992 года на конференции министров иностранных дел государств Балтийского моря Совета государств Балтийского моря (СГБМ)². Собственно Совет государств Балтийского моря состоит из министров иностранных дел, собирающихся на сессии. Текущими вопросами деятельности СГБМ и подготовкой сессий Совета занимается рабочий орган — Комитет старших должностных лиц (КСДЛ), который проводит регулярные (примерно раз в месяц) заседания. В 1998 году был создан постоянный секретариат СГБМ, который расположен в Стокгольме. Задачей СГБМ являлось усиление сотрудничества и его координации между всеми государствами Балтийского моря.

Под эгидой Совета действуют около 60 различных структур, наиболее значимыми из которых являются Парламентская конференция Балтийского моря, Конференция по субрегиональному сотрудничеству, Союз балтийских городов, Ассоциация торговых палат, Консультативный совет деловых кругов балтийских стран и ряд других. СГБМ придает большое значение неправительственным организациям, обеспечивающим живое наполнение многообразных и многовекторных региональных балтийских связей.

Тем не менее создание такой массовой организации, как СГБМ, не решало вопроса о том, каким должно быть многостороннее трансграничное сотрудничество с участием России именно в регионе Европейского Севера. Основной формой взаимодействия регионов российского Севера с северными регионами прилегающих стран в это время еще являлись пригра-

нические связи, однако идеи преобразования этих отношений получали все большее распространение.

Учитывая уже давно развивающееся взаимодействие ряда северных районов России с соседними административными единицами Норвегии, Финляндии и Швеции, вполне естественным было возникновение идеи включения российских территорий в состав Северного Калотта. Еще в 1960–1970-х годах обсуждались вопросы о развитии приграничных контактов в данной организации между СССР и североевропейскими странами. Данное предложение было выдвинуто Финляндией, председательствующей в 1992 году в Северном Калотте. Эта инициатива подразумевала включение в Северный Калотт двух российских областей Кольского полуострова — Мурманской области и Республики Карелия. Однако против расширения Северного Калотта выступила Норвегия. Она выдвинула свой вариант развития многостороннего трансграничного регионального сотрудничества на Севере с участием российских территорий, который и был в дальнейшем реализован.

Норвежская идея заключалась в создании новой многосторонней многоуровневой структуры. С января 1992 года началась разработка этой идеи в плановом отделе внешнеполитического ведомства Норвегии, и уже в феврале она была представлена Т. Столтенбергом.

Вопреки ожиданиям идея сначала была воспринята без воодушевления. В соответствии с замыслом Т. Столтенберга по мере реализации его проекта предполагалось передать власть Региональному совету, что не устраивало центральные правительственные органы.

В истории слишком часто наблюдалось расхождение интересов Осло и Северной Норвегии по проблеме контактов с русскими. Население северных районов Норвегии, имевшее более тесные контакты со своим соседом, традиционно старалось поддерживать хорошие отношения с Россией. Еще поморская торговля заложила основы добрососедства. В годы Второй мировой войны восточная часть Финнмарка во время Петсамо-Киркенесской операции была освобождена от немецко-фашистской оккупации. Как известно, продолжались контакты приграничных территорий и во время холодной войны. В то же время общая стратегическая линия внешней политики Норвегии формировалась именно в Осло, где стереотипы периода холодной войны с традиционным образом врага в лице СССР были достаточно прочными. Норвежские власти постоянно увязывали двухсторонние советско-норвежские отношения с состоянием советско-американских взаимоотношений, а традиционно добрососедские отношения Северной Норвегии с северными областями СССР настораживали центральные власти.

Таким образом, если прежде внешняя политика осуществлялась исключительно из Осло, то по мере реализации плана Т. Столтенберга, предполагающего передачу власти местному органу, возникало опасение, что, «если дать власть Северной Норвегии, такое сотрудничество может нанести ущерб Осло»³. В столице опасались, что усиление власти на местах могло способствовать возрастанию их влияния на внешнюю политику страны. Как следствие, чтобы усилить координацию и контроль за процессами сотрудничества на региональном уровне, было принято решение об усилении роли г. Киркенеса, маленького города на российско-норвежской границе, и превращении его в проводника официальной линии Осло. Кроме того, оставались и опасения, свойственные периоду холодной войны. Чтобы обезопасить себя, избежать возможности усиления влияния России на Севере, было решено создать противовес за счет усиления связи с Западом. Основной подход норвежских политиков к взаимоотношениям на Севере с участием российских регионов сводился к тому, что «необходимо привлекать западные страны, потому что наша свобода действий в отношении с Востоком зависит от прочных связей с Западом»⁴.

Эта норвежская идея, как считает финский исследователь П. Йонниemi (с которым сложно не согласиться), явилась более значимой по сравнению с идеей расширения Северного Калотта, которая была недостаточно отработана, чтобы конкурировать концептуально или процессуально с Баренцевой программой⁵. Норвежский вариант не имел аналогов в мире. Он включал все уровни взаимодействия: центральные правительства, областные и муниципальные власти, организации, предприятия, неправительственные организации. Данная идея наиболее полно отвечала насущным потребностям развития системы международных взаимоотношений в регионе.

Катастрофическое ухудшение социально-экономической ситуации в России, в частности в ее северо-западных областях, и неспособность центра оказывать реальную помощь вынуждало правительство переложить решение назревших проблем на регионы. Установление и развитие прямых торгово-экономических и иных отношений с соседними государствами представляло для приграничных областей вполне рациональный способ выстоять в критической обстановке начала 1990-х годов. Исходя из этого, норвежский проект полнее отвечал и интересам России, что обеспечило ему дополнительное преимущество.

Во время визита А. Козырева в Осло 8 марта 1992 года Т. Столтенберг предложил российскому министру идею создания Совета Баренцева/Евроарктического региона. Она предполагала перспективу длительного со-

трудничества между Востоком и Западом, причем акцент делался преимущественно на социально-экономических проблемах. Затем министры подписали протокол о рабочей программе контактов и сотрудничества. Особое внимание в нем уделялось именно развитию экономического сотрудничества между северными регионами обеих стран, а также еще раз уточнялась желательность полного восстановления контактов между местными властями по образцу «поморской торговли».

Эта встреча определила начало нового периода развития отношений не только между Россией и Норвегией, чье взаимодействие стало осевым в формирующейся структуре Баренцева сотрудничества, но и российско-финляндских и российско-шведских контактов на основе принципов добрососедства, стремления к взаимовыгодному сотрудничеству и взаимопониманию.

Впервые Т. Столтенберг ввел в политический лексикон понятие «Баренцев регион» 24 апреля 1992 года. В этот день в Тромсё состоялась встреча руководителей трех северононорвежских губерний: Э. Флеттена (Финнмарк), Я. Х. Ульсена (Тромс), С. Эриксона (Нурланда), а также главы администрации Мурманской области Е. Комарова и заместителя главы администрации Архангельской области А. Ефремова. На этой встрече была образована рабочая группа во главе с представителем Финнмарка Т. Робертсоном.

Перед рабочей группой была поставлена задача в тесной координации с центральными властями продвигать двустороннее взаимодействие губерний в сфере экономики, науки, экологии и человеческих контактов. В подписанном на следующий день протоколе руководители губерний подчеркнули, что важным инструментом для рабочей группы станет план действий для России и стран Восточной Европы, принятый правительством Норвегии 24 апреля 1992 года. Таким образом, была подчеркнута именно норвежско-российская основа создаваемого сотрудничества⁶.

Стоит заметить, что в течение всего процесса по организации взаимодействия наблюдалась некая пассивность российской стороны. У российского внешнеполитического ведомства вообще отсутствовала какая-либо сформулированная программа действий по вопросу регионального сотрудничества на Севере. Отношение к идее Баренцева сотрудничества было настороженным. Позднее в газете «Баренц-нютт» отмечалось: «Инициатива была полностью норвежская, и когда она появилась, Москва не знала, как относиться к ней, как она может быть использована или какую роль будет играть регион во внешней политике страны»⁷. Отсюда можно заключить, что на тот момент Россия играла роль пассивного партнера, на-

стороженно наблюдавшего за динамично развивающимся процессом. Это в дальнейшем проявилось в некоторых явных упущениях и недостатках. Так, одним из «парадоксов» Баренцева сотрудничества является тот факт, что БЕАР формально не включает Баренцево море. Вместе с тем именно богатые углеводородные запасы его и других северных морей и сотрудничество в их освоении стран и региональных субъектов БЕАР могло стать важной составной частью экономической стратегии развития региона. Однако двухсторонние противоречия между Россией и Норвегией по «серой зоне» оказались сильнее, чем потенциальный выигрыш от многостороннего партнерства в деле совместного освоения природных ископаемых на шельфе Баренцева моря.

Тем не менее идея взаимодействия вполне закономерно представлялась российскому руководству, кроме налаживания экономических отношений, реальным инструментом укрепления гуманитарных и культурных связей, что соответствовало реализации приоритетной внешнеполитической задачи — «формированию пояса добрососедства по всему периметру российских границ»⁸. Норвежская идея вполне соответствовала и решению этой проблемы. Таким образом, выбор был сделан, процесс реализации проекта пошел быстрыми темпами, а Норвегии в начале 1990-х годов удалось захватить инициативу в международных отношениях этого региона.

Позднее благодаря усилиям рабочей группы и при поддержке центральных властей, в первую очередь министерств иностранных дел России, Норвегии, Швеции и Финляндии, к протоколу присоединились шведская губерния Норботтен и финская Лапландия — партнеры по сотрудничеству в рамках Северного Калотта.

Инициатива Т. Столтенберга получила высокую оценку в выступлении президента России Б. Н. Ельцина на саммите *Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе* (СБСЕ) в Хельсинки в июне 1992 года. После этого министерства иностранных дел России и Норвегии взяли курс на полномасштабную подготовку учредительной сессии министров иностранных дел государств, выразивших желание участвовать в создании новой европейской субрегиональной организации.

Большим шагом на пути подготовки данной сессии стала встреча экспертов, ученых и дипломатов по выработке концепции создания Баренцева/Евроарктического региона, состоявшаяся 25–27 сентября 1992 года в Киркенесе. Кроме того, в октябре 1992 года в Тромсё прошла специальная встреча экспертов по Северному морскому пути. Результаты данных встреч легли в основу дальнейшей работы по созданию новой субрегиональной организации на Севере Европы.

После интенсивных многосторонних консультаций по дипломатическим каналам при координирующей роли МИД России и Норвегии был подготовлен проект Декларации о сотрудничестве в Баренцевом/Евроарктическом регионе. Проведение сессии министров иностранных дел было согласовано на 10–11 января 1993 года в Киркенесе.

10 января 1993 года А. В. Козырев и Т. Столтенберг прибыли в г. Киркенес. Их встречали 112 журналистов более чем из 20 стран мира. Наряду с российским и норвежским министрами в г. Киркенес прибыли также министры иностранных дел и представители Дании, Исландии, Финляндии, Швеции и Комиссии европейских сообществ. В качестве наблюдателей выступали высокопоставленные представители из Великобритании, Германии, Польши, США, Франции и Японии. Среди участников сессии также были руководители Архангельской и Мурманской областей, норвежских губерний Финнмарк, Тромс и Нурланд, финской Лапландии, шведской Норботтен, а также представитель коренных народов — Саамского совета.

После официального открытия и вступительных речей было предложено избрать Норвегию в качестве председателя Совета БЕАР. Данное предложение было поддержано всеми участниками сессии, по завершению которой состоялась церемония подписания Декларации о сотрудничестве в Баренцевом/Евроарктическом регионе. Цели и задачи, определенные декларацией, легли в основу создания всей организационной структуры СБЕАР. Параллельно с работой сессии руководители Архангельской и Мурманской областей, северонорвежских, финской, шведской губерний и представители Саамского совета дорабатывали документ о создании Баренцева регионального совета. После подписания Декларации о сотрудничестве в БЕАР они скрепили своими подписями Протокол о создании Баренцева регионального совета. Создание Баренцева региона породило много надежд, ожиданий, хотя было очевидно, что на пути сотрудничества будут и препятствия, и сложные проблемы, которые предстояло разрешить. Так или иначе Баренцев регион стал реальностью.

Россия и Норвегия сыграли ключевую роль в инициировании и реализации идеи Баренцева/Евроарктического региона и развитии Баренцева процесса. Для Норвегии это было реализацией ее внешнеполитических амбиций, проистекавших из успешного социально-экономического развития и превращения в одну из самых благополучных стран Европы и мира, намерения стать одним из активных игроков на европейской политической сцене, деятельным участником строительства новой Европы. Не без серьезных на то оснований Норвегия рассчитывала реализовать себя и заработать полити-

ческие очки на поприще строительства «Европы регионов», заявить себя в качестве лидера на североευропейском геополитическом пространстве.

Датой рождения принципиально нового политического механизма на международной арене, объединившего в своей структуре не только центральные национальные правительства Скандинавских стран и России, но и властные элементы входящих в него территорий, стало 11 января 1993 года. При этом нельзя согласиться с определением СБЕАР, данным финским исследователем Л. Хейниненом, который утверждал, что это была «политически навязанная сверху концепция, связанная с искусственным географическим регионом, с элементами регионального строительства, а также с политическим реализмом и функциональным сотрудничеством»⁹. То, что СБЕАР есть порождение политиков, почти не вызывает споров, но утверждение об «искусственности» пространства, пожалуй, неверно. Более того, иногда складывается впечатление, что именно исторически, традиционно добрососедские связи явились (пусть это и не осознается многими политиками) одной из важнейших составляющих вновь созданного сотрудничества.

С этого момента вся внешнеполитическая стратегия России на Севере Европы так или иначе была связана с развитием многостороннего регионального сотрудничества. Двусторонние отношения строились с учетом соотношения национальных интересов и регионального взаимодействия, которое во второй половине 1990-х годов продолжало динамично развиваться как в количественном, так и в качественном отношениях.

В постконфронтационный период изменилось понимание национальной и международной безопасности. Эти понятия стали трактоваться более широко. В них стали включать не только военно-стратегические, но и экономические, социальные, экологические, информационные проблемы, побочные эффекты глобализации, например опасность утраты национальной идентичности и культурных традиций. Доктрины национальной безопасности многих стран, включая Россию, исходят именно из такого расширенного понимания безопасности. Так, при анализе Декларации о сотрудничестве в Баренцевом/Евроарктическом регионе, опыта деятельности СБЕАР в 1990-е годы возникает уверенность в том, что данная организация вполне может быть признана важным элементом архитектуры безопасности на Европейском Севере.

Решению задачи обеспечения безопасности отвечало и создание в сентябре 1996 года еще одной международной региональной организации — Арктического совета, членами которого стали не только Россия, Швеция, Норвегия и Финляндия, но и США, Канада, Дания и Исландия. Наряду

с упомянутыми арктическими странами постоянными участниками совета являются Циркумпольная конференция инуитов, Международная ассоциация алеутов, Совет саамов, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, Арктический совет атабасканов и Международный совет гвичинов. Категория постоянного участника была создана для того, чтобы обеспечить активное участие и консультации прежде всего с представителями коренных народов Арктики. Количество постоянных участников может быть увеличено, но в любом случае не должно превышать количество государств — членов совета.

Арктический совет, собираясь на свои сессии на уровне министров один раз в два года, стал постоянным межправительственным «форумом высокого уровня». Председательство в совете двухгодичное и осуществляется на основе ротации. Текущими вопросами деятельности совета и подготовкой сессий занимается его рабочий орган — Комитет старших должностных лиц (КСДЛ), который в соответствии с процедурными правилами проводит заседания два–три раза в год. Арктический совет обеспечивает сотрудничество, координацию работы и взаимодействие между арктическими странами, группами коренного населения Арктики и другими ее обитателями по всем общим региональным проблемам, включавшим вопросы экономического, социального развития, улучшения здравоохранения, культурного благосостояния и защиты окружающей среды. На рассмотрение Арктического совета переданы вопросы, относящиеся к так называемому «процессу Рованиеми» — международному сотрудничеству в рамках стратегии охраны окружающей среды Арктики (АЕПС); программы арктического мониторинга и оценки (АМАП); предупреждения, готовности и реагирования на чрезвычайные ситуации (ЕППР); сохранения арктической флоры и фауны (КАФФ); защиты арктической морской среды (ПАМЕ), устойчивого развития.

С процессом решения данных проблем связывают и предложенную 15 сентября 1997 года в Рованиеми премьер-министром Финляндии программу «Северное измерение» (СИ), которая была одобрена и принята на саммите ЕС в июне 2000 года. Эта программа представляла особый интерес для России в связи с ее масштабностью.

Финская инициатива имеет и свою предысторию. Еще в 1994 году правительство Финляндии при премьер-министре Эско Ахо и министре иностранных дел Хейки Хависто стало использовать выражение “The Nordic Dimension”, имея в виду так называемые северные ценности: общественное благосостояние, равенство, открытость и жесткое экологическое регулирование.

Идея «СИ» базировалась на ключевом элементе — позитивной взаимозависимости стран субрегиона, которая должна была способствовать интеграции России в мировую экономику через северо-восточные рубежи Европы, а также смягчить последствия расширения НАТО в Прибалтику. Поскольку экономические ресурсы и политические возможности Финляндии все-таки были ограничены, чтобы самостоятельно решить эту задачу, то необходимо было опереться на ЕС¹⁰.

С политической точки зрения инициирование данной концепции именно со стороны Финляндии вполне закономерно. Ее скандинавские соседи еще в начале 1990-х годов сыграли активную роль в формировании новых международных интеграционных форматов: Швеция — в Балтийском регионе (1992), Норвегия — в Баренцевом (1993). Став в 1995 году членом Европейского Союза и являясь на тот момент единственной странной ЕС, граничившей с Россией (Калининградская область не в счет), Финляндия впервые в своей истории получила широчайшие возможности для политического маневрирования и воздействия на международное развитие в регионе. Будучи членом ЕС, Финляндия сразу же стала стремиться проводить политику, учитывающую особенности и интересы северных стран. Памятуя о своем «проигрыше» Норвегии по вопросам расширения развития регионального сотрудничества за счет подключения приграничных областей Севера России, Финляндия разыграла другую свою карту, выступив с инициативой создания СИ.

Изменение политического ландшафта в начале 1990-х годов несколько девальвировало отношения Хельсинки с Москвой. Несмотря на активное развитие торгово-экономических контактов, в российско-финском взаимодействии все-таки ощущалась некоторая натянутость. Это объяснялось проблемами, возникшими в связи с расширением НАТО, которые вообще негативно воздействовали на атмосферу в регионе в целом. Таким образом, финская инициатива ставила триединую задачу: закрепить свою роль в формировании политики в регионе; поднять внешнеполитический статус внутри Евросоюза; направить и использовать финансовую мощь Евросоюза на Севере.

Проект программы СИ предусматривал стратегическое партнерство Брюсселя, Хельсинки и Москвы прежде всего в сфере энергетики, транспорта и экологии. Вместе с тем идея проекта заключалась не только в традиционной межгосударственной кооперации, но и в привлечении приграничных регионов, муниципальных образований и прочих хозяйственных и социокультурных объектов Балтики и Баренцева моря. В этом плане про-

грамма СИ должна была явиться уникальным экспериментом по поиску новых кооперативных элементов и форм субрегионального сотрудничества.

Уже в 1999 году как председатель ЕС Финляндия настойчиво стала предлагать Комиссии ЕС, советам и Европарламенту уделять больше внимания вопросам Северной Европы. Первоначально финская инициатива была воспринята сдержанно. Главными оппонентами были страны Средиземноморья, опасавшиеся, что возникнет конкуренция «южному измерению». Довольно скептически отнеслась к проекту и Швеция, озабоченная тем, как он повлияет на деятельность Совета государств Балтийского моря (СГБМ). Однако Евросоюз как организация, имевшая «северное звено» в своей конфигурации, неким образом должен был исправить «крен» из Средиземноморья в сторону интересов Севера и Востока Европы. Более того, реально заинтересованный в развитии сотрудничества с Россией, Евросоюз в итоге не мог не пойти навстречу финнам. Определенным толчком извне для Брюсселя стала «европейская инициатива», с которой выступил Госдепартамент США. Эта активность американской дипломатии побудила штаб-квартиру ЕС не только ускорить процесс принятия программы, но и подкорректировать ее.

Разработка программы «СИ» началась параллельно с выработкой Соглашения о партнерстве и сотрудничестве ЕС–РФ, которое вступило в действие 1 декабря 1997 года. Таким образом, курс ЕС в этом направлении оформился в самостоятельную линию региональной и общей политики, получившей название «Северное измерение». Особенностью этой программы явилось то, что под нее не создавалось новых политических институтов, а только предполагалось использование уже существовавших структур субрегионального сотрудничества, кроме того, под ее финансирование не были выделены какие-либо дополнительные средства из фондов ЕС.

К сожалению, как показала практика, ожидания российского руководства 1990-х годов в реализации этой программы были несколько завышены, по сравнению с реальными достижениями этого проекта в первые годы его осуществления. В начале воплощения программы «СИ» в жизнь выявился разрыв между ее масштабными целями и способностью реализовать их на практике. На пути реализации программы возникало множество преград — экономических, институциональных, бюрократических и психологических. Эти трудности приходилось преодолевать уже в рабочем порядке, что порождало немало критики.

В целом процесс вхождения России и ее субъектов в международное региональное сотрудничество был достаточно сложным. Это объяснялось

слабостью законодательной базы, отсутствием механизма координации, нехваткой в регионах квалифицированных кадров международных, опыта работы с зарубежными представителями. Кроме того, многие специалисты считают, и в этом с ними сложно не согласиться, что для более полной интеграции России в европейские структуры необходимы трансформация и модернизация экономической структуры РФ.

Итак, с начала 90-х годов XX века, после вступления в такие организации, как Совет государств Балтийского моря, Баренцев/Евроарктический регион, Арктический совет, сотрудничая в программе «Северное измерение», Россия превратилась в активного участника североевропейских интеграционных процессов. Изучение опыта регионального сотрудничества на Европейском Севере с участием России показывает, что оно может быть эффективным ответом на вызовы современности. Динамичное вовлечение в 1990-х годах субъектов Российской Федерации в подобного рода сотрудничество не привело к росту сепаратизма в них. Наоборот, оно послужило катализатором демократических и социально-экономических преобразований в регионах и способствовало их интеграции в мировую экономику. К концу 1990-х годов для Российской Федерации сложились хорошие перспективы дальнейшего позитивного развития международных отношений регионального уровня со странами Скандинавского полуострова в русле общемировых тенденций и политических процессов.

¹ Козырев А. В. Россия: год минувший и год наступивший // Дипломатический вестник. 1993. № 1. С. 3–12.

² Россия на международных форумах: Конференция министров иностранных дел государств Балтийского моря // Дипломатический вестник. 1992. № 7. С. 22–23.

³ *Varens-nyt*. 1994. № 4. S. 7.

⁴ *Ibid*.

⁵ Joenniemi P. The Barents Euro Arctic Region: On the Restructuring of the Northernmost Europe. N. Y., 1997. P. 5.

⁶ Смирнов А. И. Баренцев-Евроарктический регион. М., 2002. С. 24.

⁷ *Varens-nyt*. 1994. № 10. S. 16.

⁸ Козырев А. В. Указ. соч. С. 3–4.

⁹ Heininen L. Northern policies of the Arctic states: a comparative study // Europe's Northern Dimension. Rovaniemi, 2003. P. 234.

¹⁰ Воронов К. В. «Северное измерение»: затянувшийся дебют // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 2. С. 76–86.